

А. С. Позднякова, А. С. Пученков

Герои или психопаты? [Рец. на кн.: Тепляков А. Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922: девиации, анархия и террор. М.: Новое литературное обозрение, 2023]

Позднякова Анастасия Сергеевна — канд. ист. наук, доц., Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева (Москва, Россия)

Пученков Александр Сергеевич — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

В 2023 г. по одной из самых популярных и исключительно продуктивно разрабатываемых исторической наукой эпох – Гражданской войне – вышла книга, о которой хочется вновь, как и 30-35 лет назад – яростно спорить. Речь идет о впечатляющем по объему исследовании новосибирского историка Алексея Георгиевича Теплякова, посвященному одной из страниц истории Гражданской войны на востоке России.

Илл. 1.: Обложка книги: Тепляков А. Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922: девиации, анархия и террор. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Проблематикой Гражданской войны А. Г. Тепляков заинтересовался много лет назад, занимаясь архивно-поисковой работой по проблемам социально-политической истории 1920-х – 1930-х гг. Отдельные сюжеты из истории Гражданской войны затрагивались и в его известной монографии 2007 года, рассказывавшей о судьбах чекистов Сибири в 1920-е гг.¹ В этой книге Алексей Георгиевич впервые высказал и свое откровенное отношение к феномену сибирского партизанского движения, ставшего основным предметом разысканий рецензируемой книги.

Монография построена на привлечении автором богатого и обширного документального материала центральных и региональных архивохранилищ (особое место здесь занимает активно используемая А. Г. Тепляковым уникальная коллекция воспоминаний участников партизанского движения, отложившаяся в фондах Сибистпарта, – источник этот, безусловно, чрезвычайно интересный, хотя ценность и объективность

этих мемуаров далеко не всегда равнозначна), которые удачно дополнены хроникой тех лет, которая велась на страницах красной и белой прессы – как отмечает А. Г. Тепляков, «в целом ряде случаев нет иных источников, отражающих эпизоды партизанщины, кроме газет». (С. 59).

Во введении автор специально оговаривает, что фокус его исследовательского внимания сосредоточен на «малоизученной истории стихийного красного террора», в частности, на краснопартизанском движении, в котором «всевозможные социальные девиации и широкий террор сыграли совершенно особую роль», а разрушительный аспект партизанской стихии представляется ему основным «в феномене красной партизанщины, демографический ущерб от которой до сих пор даже не оценен». (С. 7-8).

Отмечая, что девиантное поведение партизан было основано на архаичных моделях общинных взаимоотношений, где «значительную роль традиционно играли практики насилия», автор высказывает убеждение в том, что «партизанский террор был следствием не столько обычной военной разнузданности, сколько политики стихийных социальных чисток, необходимость которых – хотя бы на уровне села – осознавалась большинством активных повстанцев и где сочетались мотивы личные и классовые». (С. 8) При этом в партизанском терроре А. Г. Тепляков видит одну из масштабных и малоизученных трагедий Гражданской войны. Исторически, полагает автор, Россия была страной, где цена человеческой жизни – «величина малозаметная. И властью, и обществом насилие воспринималось как универсальный метод решения проблем; в переломные эпохи оно выплескивалось с сокрушительной мощью. В годы Гражданской войны взаимное ожесточение резко возросло, что вело к быстрому разложению традиционных нравственных устоев». (С. 54).

В историографическом обзоре А. Г. Тепляков критически отзывається о советском этапе истории изучения краснопартизанского движения, отмечая большое количество табуированных тем, как-то: демографический, моральный и материальный ущерб от партизанщины, ее негативное воздействие на взаимоотношения русского и аборигенного населения Сибири и Дальнего Востока, уголовное прошлое многих партизанских командиров и др. При этом, как отмечает Алексей Георгиевич, историками некритически оценивались сообщаемые партизанами цифры боевых потерь со стороны противника, сильно преувеличивались масштабы ответного белого террора. (С. 15-16). Постсоветская историография, по мнению А. Г. Теплякова, как правило, продолжает игнорировать феномен партизанщины. Ввиду этого, полагает автор, в отношении партизанского движения продолжает доминировать советский мифологический подход, демонтаж установок которого является *сверхзадачей* рецензируемой книги.

Вопрос о терроре, осуществляемом различными силами, принимавшими участие в Гражданской войне, А. Г. Тепляков обоснованно считает одним из важнейших в контексте этого периода отечественной истории. Полемизируя с И. С. Ратьковским, убежденным в террористической сути белой власти, автор полагает, что «созданные Гражданской войной белые правительства хотя логичным образом и тяготели к авторитаризму, основывались все же на правовых принципах». (С. 23). Кроме того, А. Г. Тепляков убежден в невозможности уравнивания красного и белого террора, к тому же последний, как убежден историк, и по сию пору недостаточно исследован. (С. 22).

Согласно замыслу ее автора, книга призвана не только отбросить ряд историографических мифов о партизанском движении, но и показать «истинный облик многих из тех, кого до сих пор считают “борцами за счастье народное”, увековеченными в памятниках, и назвать имена хотя бы малой части жертв красного террора, погибших в годы партизанщины мучительной смертью и забытых на целое столетие». (С. 70).

Отмечая существовавшие и укоренившиеся за столетия в российском общественном сознании традиции бунтов и самосудов, А. Г. Тепляков полагает, что «большевиками урок растущей народной ненависти был отлично усвоен и всемерно пропагандировался», при этом большевики «буквально молились на опыт террора якобинцев, копируя его, где только возможно». (С. 116, 122).

Анализируя радикальные высказывания ряда большевистских вождей, Тепляков заключает: «Прежняя эпоха была объявлена преступной, а низшие классы не только получили от власти разрешение на уничтожение высших, но и поощрялись к этому». (С. 131). Продолжая свою мысль, историк пишет: «Придя к власти, большевики тут же узаконили террор, сначала де-факто, усиленно разжигая классовую ненависть». (С. 136). Опираясь на конкретные биографии людей, представлявших советскую власть на местах, автор высказывает мнение, что «новая власть повсеместно выглядела сборищем уголовников (идейных и обычных), призывавших громить “буржуев” и уничтожать “врагов народа”. (С. 153). По мнению исследователя, характерной чертой большевистского режима в годы Гражданской войны, было неуклонное возрастание жестокости новых порядков. «Даже в сравнительно “вегетарианские” первые месяцы 1918 года, когда органы ВЧК были слабы, произвол большевистской власти, опиравшейся на отряды красногвардейцев и милицию, не ограничивался массовыми реквизициями, конфискациями, закрытием оппозиционных газет, произвольными арестами. Уже в конце 1917 года и начале 1918-го красные с исключительной жестокостью истребляли офицеров, священников, интеллигенцию, казаков на территории Крыма, Придонья, Украины, Туркестана, уничтожив тысячи людей. В других регионах террор разгорался медленнее,

но не было в России таких мест, где не происходили бы многочисленные самосуды на почве имущественной и политической вражды», – отмечает Тепляков, подкрепляя свой тезис конкретными примерами. (С. 156-157).

Жутковатой приметой времени стали самосуды, процветавшие повсеместно, и продвигавшиеся «как снизу, так и сверху. Низы самостоятельно уничтожали уголовных преступников и тех, кто подозревался в каком-либо криминале; советские верхи инициировали расправы над политическими врагами и снисходительно относились к бессудной ликвидации уголовных», – констатирует исследователь, убежденный в том, что «зараженные красным бандитизмом, местные власти нередко сами были инициаторами самосудов». (С. 167, 168).

На наш взгляд, спорным выглядит вывод автора, распространяемый им почему-то на всю *Красную гвардию*: «биографии активных участников и вожakov Красной гвардии – это портреты маргинализированных личностей, увидевших в обстановке Гражданской войны возможность сделать военную и политическую карьеру, не обременя себя моральными запретами». (С. 172). Развивая свой тезис, Тепляков пишет: «Первая» советская власть была обильно поражена уголовщиной и активно применяла криминальные методы к многочисленным оппонентам. Даже региональные руководители могли иметь за душой не только революционные теракты и “эксы”, но и тяжкие общеуголовные преступления, вплоть до разбоев и убийств. Подобное кадровое наполнение превращало и без того малопрофессиональную большевистскую власть в презираемую населением компанию пьяниц, мародеров и убийц, применявшую ко всем несогласным самое широкое насилие». (С. 186-187). Заслуживают внимания упомянутые А. Г. Тепляковым случаи мародерства и повсеместного пьянства, распространенного среди красногвардейских отрядов; поразительны и приводимые в книге данные о чекистах-оборотнях, работавших на белых, а затем превратившихся в партизанских вожakov. (С. 224-225, 232).

Однако не пользовалась широкими симпатиями сибиряков и власть Колчака. Как отмечает автор, для такого макрорегиона, как Сибирь, характерным было быстрое разочарование в белых, военные поражения которых «вызывали у многих откровенное злорадство и симпатию к Красной армии». (С. 249). Людей волновал в первую очередь их уровень жизни, политические вопросы интересовали их неизмеримо меньше: население болезненно воспринимало рост цен, жесткую борьбу с самогонщиками, бесчинства колчаковской милиции, «состоявшей в значительной мере из бывших фронтовиков, часто пьяных, буйных и практиковавших в отношении сельчан как порки (в том числе массовые), так и мародерство, и взяточничество». (С. 249) Так, в книге А. Г. Теплякова

приводится цитата из писем, перехваченных цензурой, из содержания которых было видно, что крестьяне равнодушны ко всему, кроме своего хозяйства, они «не согласны ни с большевиками, ни с Омским правительством, а только хотят, дабы их никто не трогал, в солдаты не брал, подати не платить, а жили бы вольно, а кто правит – все равно». (С. 249).

Центральный вопрос, разбираемый в книге, – партизанское движение на Востоке России. Авторская позиция по этой проблеме очевидна: красные партизаны воспринимаются им как сугубо отрицательное явление. «Партизанские отряды, возникшие почти сразу после свержения советской власти в регионе, формировались из советских маргиналов (дезертиров, хулиганов, пьяниц), а также разбежавшихся по глухим местам советских работников, красногвардейцев (в основном пришлых и не имевших возможности вернуться домой), коммунистов, левых эсеров и анархистов. Также среди повстанцев было много как абсолютно чуждых местному населению интернационалистов – венгров, латышей, немцев, австрийцев и пр., так и всевозможных авантюристов и уголовников», – заключает А. Г. Тепляков, по мнению которого, «первоначально партизанское движение носило целиком уголовный характер, представляя собой грабежи и убийства на почве личных счетов и из корыстных побуждений». (С. 259, 283). Нередко источником пополнения партизанских отрядов были беглые уголовники; отдельные отряды начинали свою деятельность с грабежей местных жителей и зверских убийств милиционеров. (С. 290-293). Мелкие повстанческие отряды, которые Тепляков нередко именуется за просто «шайкой», «отличала наибольшая насыщенность уголовщиной», при этом «основная часть партизанских главарей имела преступное прошлое: самым распространенным поступком являлось дезертирство, но много было хулиганов, растратчиков, грабителей и даже убийц». (С. 295) Вместе с тем автор все же находит возможным признать, что «далеко не все партизаны были кровожадными садистами». (С. 294).

Автор прекрасно осознает исключительность эпохи Гражданской войны, времени внегосударственного хаоса, в который оказалась погружена вся Россия, – понятно, что эта обстановка не могла не привести к общей криминализации общества и росту вспышек насилия, мародерства, разбоя и т. д., глубоко характерных как для Красной, так и для Белой армий: «Гражданская война была войной откровенно мародерской, – пишет А. Г. Тепляков, – где армейский произвол шел рука об руку с постоянными приказами красных властей о материальном ущемлении как зажиточных классов, так и самых широких масс... В Белой армии мародерство также было очень распространено и значительно усиливало разложение войск... Гражданская война превратила грандиозную бойню также в массовый бизнес». (С. 298).

И действительно, хорошо известно, что население нередко именovalo Добровольческую армию «Грабьармией»: Деникин в общем-то оказался неспособен остановить как грабежи, так и еврейские погромы, чинимые добровольцами. Белогвардеец С. П. Мартынов вспоминал свои первые впечатления от Добровольческой армии: «Я видел, что в Добр[овольческой армии] нет дисциплины. Молодежь ведет себя также, как большевики, везде грабят, без вины людей убивают». Как следствие, белые, заключал мемуарист, «и доверия никакого у народа не имели».² Конечно, нельзя сводить все к фигуре Деникина, нельзя и огульно очернять Белое дело и тех идеалистов, которые сложили свою голову на полях сражений, отстаивая базовый лозунг Белого движения – Единая, Великая и Неделимая Россия. «Преданные Родине люди усеяли своими могилами весь Юг России, от Кавказского хребта до Орла, а эти помпадуры наплевали на эти могилы, обгадили их, продали их... И винить А. И. Деникина тут может только очень легкомысленный человек: нельзя одному человеку справиться с этой духовной “испанкой”, которой заболели тут почти все поголовно», – констатировал писатель И. Ф. Наживин.³

Эта духовная «испанка» погубила не только белых, тяга к грабежам была характерна и для отдельных отрядов и соединений Красной армии, в партизанском же движении жажда наживы, как полагает автор, нередко выступала в качестве суррогата идеологии и заставляла забывать обо всем остальном, ставя отряд на грань самоуничтожения. Анализируя воспоминания партизан, Тепляков отмечает: «мемуары партизан показывают, что творившиеся ими массовые грабежи логично перерастали в настоящий мародерский азарт, который подчас срывал выполнение крупных боевых задач», а корыстный мотив в деятельности повстанцев был исключительно сильным. (С. 328, 333)

Интерес вызывают страницы книги, посвященные описаниям конфликтов между партизанскими отрядами и их вожаками, а также практике функционирования партизанских судов и трибуналов. «Имеющиеся материалы говорят, – пишет автор, – что для партизанщины был типичен очень высокий уровень конфликтности. Партизан трудно было заставить воевать вдали от родных селений, а также умерять грабительские аппетиты и инстинкты, толкавшие их на безоглядную месть и разрушения. Рядовые повстанцы, которые в случае военных неудач оказывались на грани уничтожения или голодной смерти в тайге, всегда были готовы расправиться с собственным командованием». (С. 395)

Особое внимание в книге уделено пьянству, являвшемуся в годы Гражданской войны подлинным бичом не только для партизанских отрядов, но и для всей России.

«Алкоголизация партизан часто была причиной поражений от белых и интервентов, а в мирное время привела к большой смертности и вожаков, и рядовых повстанцев от пьянства и вызванных им всевозможных конфликтов», – резюмирует историк. (С. 436).

Внимание исследователя вызвала также и прежде табуированная страница историографии Гражданской войны: сексуальное насилие в отношении женщин со стороны большевиков – вне всякого сомнения, это явление можно охарактеризовать как пример грязного и отвратительного разгула партизанщины. «В архивах хранятся свидетельства многочисленных случаев партизанского сексуального насилия, однако подавляющее большинство таких эпизодов, разумеется, осталось незафиксированным. Тем не менее и сохранившиеся документы способны весьма красноречиво поведать об этой мрачной странице разгула партизанщины», – резюмирует автор. (С. 451). Можно, правда, задать А. Г. Теплякову резонный вопрос: не является ли сексуальное насилие характерной приметой едва ли не всякой войны? Неужели подобных случаев не зафиксировано, например, со стороны белогвардейцев или бойцов Красной армии? Беспрецедентно стрессовая атмосфера войны выплескивала наружу все самые темные инстинкты со стороны военнослужащих, годами оторванных от своих семей. Стоит ли сводить сексуальное насилие только лишь к партизанскому движению? Не упрощение ли это?

В свою очередь, террор со стороны повстанцев Сибири и Дальнего Востока, по мнению историка, может быть охарактеризован как социальные чистки, его жертвами стали и прямые, и потенциальные противники восставших: «партизаны обрушили террористические атаки на богатых односельчан, чиновников и всех, кого подозревали в связях с белыми; огромные потери понесло казачество». (С. 483).

Отдельная глава книги посвящена жестокому уничтожению партизанами пленных, для которого предпринимались «самые жестокие способы, не исключая откровенно садистских». При этом, замечает исследователь, «в одних случаях повальное истребление сдавшихся помогало сломить сопротивление белых, но зачастую, напротив, вынуждало их сражаться до последнего, что приводило к большим потерям среди партизан». (С. 523).

Жестокий террор партизан был направлен не только против белогвардейцев; расправы обрушились и на духовенство, местную интеллигенцию и аборигенное население. Эти страницы книги содержат предельно натуралистическое описание казней, свидетельствующие об огрубении нравов, характерном для эпохи. «Особенностью карнавала эпохи Гражданской войны стал частый смех над тем, что не должно быть предметом осмеяния, – над мучениями людей и казнями», – с горечью заключает А. Г. Тепляков. (С. 549). Партизанщина не завершилась с формальным окончанием

Гражданской войны в регионе: на дальневосточных окраинах России, по мнению автора, «красный бандитизм» процветал до середины 1920-х гг. (С. 810).

Согласно мнению Теплякова, значительная масса людей, состоявших в партизанских отрядах Сибири и Дальнего Востока, отличалась совершенно определенными патологиями сознания: дремавшая в них столетиями тяга к насилию, в период слома эпох вырвалась наружу, порождая бесчисленные убийства и грабежи. Изжить эту преступную практику даже после окончания Гражданской войны советской власти было крайне трудно: в эпоху же вооруженного противостояния красных и белых «царило насилие, репрессивная инициатива верхов подхватывалась активной, нередко люмпенизированной частью населения, что создавало атмосферу террора и разгула уголовщины... Краснопартизанское движение, будучи частью крестьянской квазивойны 1917 – 1922 годов, оказало глубокое деструктивное воздействие на демографию, хозяйственно-политическую и общественную жизнь огромного восточного региона России. Растянувшаяся на годы полоса массовых убийств, насилия, грабежей, погромов, вандализма значительно способствовала моральному упадку, алкоголизации и криминализации больших масс населения, демонстрировавших весь спектр вариантов девиантного поведения. Даже те, кто рассматривает боевую деятельность партизан против интервентов, белых частей и дружин самообороны как справедливую, закономерную и освободительную, должны столкнуться с проблемой оценки тех проступков, которые в любом законодательстве считаются преступлением», – пишет автор в заключении своей книги, предлагая квалифицировать партизанщину как «сознательную террористическую политику», главным оружием которой были жестокость и вероломство, при этом основным кадром партизанских отрядов были «психопатические личности». (С. 816, 818-820).

По наблюдению А. Г. Теплякова, «красная партизанщина нанесла огромный, прежде всего демографический, ущерб Сибирскому и Дальневосточному регионам», а число уничтоженных красногвардейцами и партизанами Казахстана, Сибири и Дальнего Востока с конца 1917-го до середины 1920-х годов может достигать 60-80 тысяч человек. (С. 820).

Приводимый автором огромный фактографический материал поистине уникален. Вне всякого сомнения, он может и должен поменять представление о партизанщине как явлении: после прочтения книги А. Г. Теплякова, уже трудно рассматривать красных партизан только лишь в привычном легендарно-героическом образе. Книга, безусловно, стала событием в историографии: ее интересно читать и с многими ее утверждениями хочется спорить. При этом в научный оборот введен большой массив архивных

документов, в монографии приводятся новые данные о П. П. Постышеве, В. К. Блюхере, Н. А. Каландаришвили, С. Г. Лазо, Я. И. Тряпицыне. Но есть и смущающие придирчивого читателя моменты. Удалось ли автору следовать предписанию Тацита и вести свое повествование «без гнева и пристрастия»? Отдельные положения книги, на наш взгляд, говорят об обратном. Так, процесс формирования и становления советской государственности в регионе показывается односторонне, в сугубо негативном свете – в книге нет упоминаний о положительных результатах, достигнутых большевиками в Сибири в области хозяйственного управления. Неужели их государственную деятельность можно рассматривать исключительно как работу, направленную только лишь на разрушение? А как же создание новых органов власти, политика в области просвещения населения? Да и вряд ли следует называть всех красногвардейцев маргиналами или беспринципными карьеристами, как это делает автор – напротив, многие из них отличались абсолютно искренней верой в идеалы Октября и были типичными романтиками революции.

Вероятно, что и партизанщину следует рассматривать как сложное, поистине многоэтажное явление – жизнь партизанского отряда состояла не только из изнасилований, жестоких казней и грабежей, но и из каждодневной изнурительной борьбы за выживание, сопряженной с жестокими боями. Не в этом ли, если угодно, символ партизанского движения как такового – практика военных действий в критических, подчас невозможно тяжелых условиях? От хорошей ли жизни человек шел в партизанский отряд? Не была ли у него к этому времени разбита его собственная жизнь? Неужели среднестатистический красный партизан смотрелся как нечто абсолютно чужеродное и необычное на фоне покровских и калмыковых, муравьевых и анненковых? Подобные имена можно перечислять очень долго. Гражданская война и революция, конечно же, выплеснула наверх массу авантюристов – вряд ли большинство партизан были худшими из них.

Есть у них и оправдания. Не будем забывать об особом времени, в котором разворачиваются описываемые в книге события. К этому моменту страна, дважды пережившая лишь за 1917-й год распад сложившейся государственности, находилась в глубочайшем политическом кризисе, который усугубляли голод, пандемии, не говоря уже о войне, которая для многих из героев книги А. Г. Теплякова продолжалась с лета 1914 года. Как же тут было обойтись без ожесточения нравов!

Книга уже вызвала ожесточенную дискуссию. Так, известный историограф Гражданской войны В. И. Голдин, анализируя положения монографии А. Г. Теплякова, заметил, что книга Алексея Георгиевича – «это, по сути, антиистория партизанского

движения или ее новая антисоветская мифология, призванная заменить так называемую советскую мифологию. Книга пропитана не просто неприязнью, но ненавистью автора к красным партизанам, объекту своего исследования. В результате А. Г. Тепляковым оказались забыты ключевые принципы научного исследования: объективность, научность, целостность, системность, комплексность. Поэтому эту книгу нельзя оценивать по меркам науки, ибо во главу угла в ней поставлен политико-идеологический мотив...»⁴ Как видим, В. И. Голдин воспринимает книгу А. Г. Теплякова как творческую неудачу новосибирского специалиста. И действительно ключевые положения этого труда не могли не породить ожесточенные споры.

На наш взгляд, автору иногда изменяет чувство меры в описании эпизодов пыток и казней: излишний натурализм «утяжеляет» книгу, делает ее более сложной для чтения, создавая ощущение, что исследователь заранее предубежден к своим героям и ему временами отказывает объективность. Авторская эмоциональность кому-то может показаться нарочитой и снижающей достоверность проведенной огромной работы. Несомненный публицистический талант Алексея Георгиевича в отдельных местах книги, как нам кажется, возобладал над его объективностью профессионального историка, кое-где, может быть, следовало бы тщательнее прописать авторские выводы – от этого монография только бы выиграла. На наш взгляд, автору не всегда удается и соотнести высказываемые им наблюдения как с общим контекстом Гражданской войны, так и с основными достижениями и наработками современной монографии; проще говоря, порой тезисы книги выглядят упрощенными и бездоказательными, в них доминирует публицистический задор, а не научная объективность. Не являются украшением монографии и резкие выпады в адрес предшественников: вряд ли даже в случае несогласия с исследовательской позицией другого ученого пристало в научном издании обвинять коллегу по ремеслу – петербургского историка И. С. Ратьковского в тенденциозности, преувеличениях, повторении «ложной информации и архаичного вывода о террористической сути белой власти». (С. 23). Кроме того, нам представляется более чем спорным увлечение автора концепцией известного московского специалиста В. П. Булдакова, воспринимающего революцию как «красную смуту» и склонного видеть в ней доминирование коллективного бессознательного начала и выводящего на первый план болезненное состояние психики и ментальности больших масс людей. (С. 40) Вероятно, что антикоммунистический пафос, характерный для рецензируемой книги, уместнее бы смотрелся в середине 1990-х гг., сейчас же он, на наш взгляд, выглядит как-то неестественно. Неужели не настало время более взвешенного и осторожного отношения к изучению проблематики Гражданской войны? Стоит ли профессиональному

ученому по-прежнему принимать сторону красных или белых, повстанцев или националов?

Отрадно, что с нашей позицией солидарен известный специалист по истории Гражданской войны Р. Г. Гагкуев: «Гражданская война сегодня остается незаживающей раной для большей части общества... Сегодня ситуация с установкой памятной доски участнику Гражданской войны с одной стороны, или снос памятника – с другой – могут приводить к достаточно острой дискуссии в обществе. По моему глубокому убеждению, сегодня нам нужно старательно уходить от деления друг друга на красных и белых. Сегодня многие люди, называющие себя преемниками красных или белых, часто не понимают, о чем они говорят, и едва ли могут в полной мере осознать их политические программы. Рассказывать сегодня о Гражданской войне, как во время выступлений, так и в публикациях – неважно, научная статья это, популярная книга или учебник – нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...».⁵

В апреле 2021 г. в Севастополе был открыт памятник, посвященный 100-летию окончания Гражданской войны на Юге России. Доминантой скульптурной композиции стала фигура женщины-матери, олицетворяющей Россию, призывающей к примирению двух своих сыновей: оказавшихся в рядах Красной и Белой армии соответственно. Именно Крым и Севастополь – где 100 лет назад и закончилась Гражданская война на Юге – могут и должны стать той территорией, из которой идея Примирения распространится по всей России. Неужели она не заслужила этого?

Хочется надеяться, что новое издание книги будет избавлено и от достаточно громоздкой и затрудняющей восприятие читателя структуры – 4 части и 21 глава; может быть, автору следует задуматься над изменением композиции монографии – это сделало бы ее еще увлекательнее. Возможно, автор учтет эти замечания при подготовке второго издания своей монографии, книги, появление которой следует, на наш взгляд приветствовать хотя бы потому, что она привела к возникновению серьезной и продуктивной научной дискуссии.

¹ *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК – ОГПУ в Сибири 1918 – 1929 гг. М., 2007.

² *Мартынов С. П.* «Рука Божия...» (Из записок артиллерийского полковника) / Предисловие А. В. Терещука, подготовка текста и комментарии В. Г. Бортневского // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 42.

³ *Наживин И. Ф.* Записки о революции. Вена, 1921. С. 313.

⁴ *Голдин В. И.* Красное партизанское движение на Востоке России в орбите дискуссий // Россия в эпоху революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография: сборник материалов конференции / Отв. редактор д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2023. С. 128.

⁵ Гагкуев Р. Г. Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2024. Т. 9. С. 8-9.

Статья поступила в редакцию 4 мая 2024 г.
Рекомендована к печати 15 июля 2024 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Позднякова А. С., Пученков А. С. Герои или психопаты? [Рец. на кн.: Тепляков А. Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922: девиации, анархия и террор. М.: Новое литературное обозрение, 2023] // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 4. С.

Аннотация: Статья посвящена анализу книги новосибирского исследователя А. Г. Теплякова, предметом исследования которого стал феномен краснопартизанского движения в Сибири в годы Гражданской войны. В основу монографии автора положен огромный материал, выявленный им в десятках центральных и региональных архивов, периодическая печать, мемуаристика. Автор хорошо знаком и с историографией проблемы. Сверхзадачей книги стал демонтаж прежних установок советской историографии, воспринимавшей партизанское движение в Сибири как героический феномен и воспевавший легендарных командиров партизанских отрядов, называя их героями Гражданской войны. А. Г. Тепляков, напротив, рассматривает краснопартизанское движение как сугубо отрицательное явление; по его мнению, основу партизанских отрядов составили маргинальные личности, а повседневная деятельность их заключалась в грабежах и убийствах; количество же людей, ставших жертвами партизан, по мнению автора, исчисляется десятками тысяч человек. Авторы рецензии, отмечая богатый материал, положенный в основу книги, его публицистический талант, указывают на то, что А. Г. Теплякову не всегда удавалось соблюдать принципы научной объективности и академической беспристрастности; нередко отрицательный пафос историка не подтверждается данными современной историографии. Помимо этого, авторы рецензии в качестве негативных моментов, замеченных при чтении книги, указывают на не вполне академический тон научной полемики, используемый А. Г. Тепляковым в спорах с оппонентами. Авторы рецензии, в целом положительно оценивая книгу, вызвавшую серьезную научную полемику, просят автора быть сдержаннее при подготовке второго издания монографии.

Ключевые слова: Гражданская война, Россия, красный террор, партизаны, Сибирь, белый террор, демографические потери.

Сведения об авторах: Позднякова А. С. — канд. ист. наук, доц., Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К. А. Тимирязева (Москва, Россия); pozdnyakova.med@gmail.com | Пученков А. С. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.puchenkov@spbu.ru

Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К. А. Тимирязева, Россия, 127434, Москва, Тимирязевская ул., 47

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

FOR CITATION

Pozdnyakova A. S., Puchenkov A. S. ‘Heroes or psychopaths? [Review on: Teplyakov A. G. Red partisans in the east of Russia. 1918–1922: deviations, anarchy and terror. Moscow, New Literary Review, 2023]’, *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 4, 2024, pp.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the book by Novosibirsk researcher A.G. Teplyakov, the subject of whose research was the phenomenon of the Red Partisan movement in Siberia during the Civil War. The author’s monograph is based on a huge amount of material that he identified in dozens of central and regional archives, periodicals, and memoirs. The author is well acquainted with the historiography of the problem. The main goal of the book was to dismantle the previous attitudes of Soviet historiography, which perceived the partisan movement in Siberia as a heroic phenomenon and glorified the legendary commanders of partisan detachments, calling them heroes of the Civil War. A.G. Teplyakov, on the contrary, views the Red Partisan movement as a purely negative phenomenon; in his opinion, the basis of the partisan detachments were marginal individuals, and their daily activities consisted of robberies and murders; the number of people who became victims of partisans, according to the author, is estimated at tens of thousands of people. The authors of the review, noting the rich material on which the book is based, his journalistic talent, point out that A.G. Teplyakov was not always able to comply with the principles of scientific objectivity and academic dispassion; Often the historian’s negative pathos is not confirmed by the data of modern historiography. In addition, the authors of the review, as negative aspects noticed when reading the book, point to the not entirely academic tone of scientific polemics used by A.G. Teplyakov in disputes with opponents. The authors of the review, while generally positively assessing the book, which has

caused serious scientific controversy, ask the author to be more restrained when preparing the second edition of the monograph.

Keywords: Civil War, Russia, Red Terror, Partisans, Siberia, White Terror, Demographic Losses.

Authors: Pozdnyakova A. S. — PhD in History, Associate Professor, Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazeva Agricultural Academy (Moscow, Russia); pozdnyakova.med@gmail.com | Puchenkov A. S. — Dr.Sci in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); a.puchenkov@spbu.ru

Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazeva Agricultural Academy, 47, Timiryazevskaya ul., Moscow, 127434, Russia

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

1. Teplyakov A. G. *"Impenetrable bowels": The Cheka – OGPU in Siberia 1918 – 1929* (Moscow, 2007). (In Russian)
2. Martynov S. P. "The Hand of God ..." (From the notes of an artillery colonel), Preface by A.V. Tereshchuk, comm. by V. G. Bortnevsky' in *Russian Past*, Book 8, 1998. (In Russian)
3. Nazhivin I. F. *Notes on the revolution* (Vienna, 1921). (In Russian)
4. Goldin V. I. 'The Red partisan movement in the East of Russia in the orbit of discussions' in *Rossiiia v epokhu revoliutsii i Grazhdanskoi voiny: sovskaia i postsovskaia istoriografii: sbornik materialov konferentsi*, ed. V. V. Kalashnikov, D. N. Menshikov (St. Peterburg, 2023). (In Russian)
5. Gagkuev R. G. 'It is necessary to talk about the Civil War today with restraint, without striving to take someone's side', *Omsk Scientific Bulletin. The series "Society. History. Modernity"*, vol. 9, 2024. (In Russian) <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12>

Received: May 4, 2024

Accepted: July 15, 2024